

Дискурс-анализ нарративов о чудесах святых¹

Сергей Николаевич Астапов

доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет,
snastapov@sfedu.ru

Аннотация: Статья посвящена дискурс-анализу современных нарративов о чудесах блаженной Ксении Петербургской в сравнении с нарративами XIX-начала XX в. Целью статьи является демонстрация результатов использования дискурс-анализа в исследовании чудес, описанных в современной житийной литературе Русской православной церкви. Используя методические приёмы, являющиеся этапами или уровнями дискурс-анализа, для исследования нарративов о чудесах в современной житийной литературе и институционально-религиозной публицистике, транслирующей теистические дискурсы, демонстрируется зависимость построения сюжетов о чудесах от дискурса. Сравнительный анализ дискурсов показал, что при их общей направленности на формирование веры в божественную помощь по «заступничеству» блаженной Ксении, они имеют различия, связанные с целевой аудиторией. Выяснено, что нарративы о чудесах бытового свойства лучше воспринимаются современной аудиторией, чем нарративы о чудесных нарушениях законов природы. Они выражают основную идею теистических дискурсов о чудесах – святые совершают чудеса в силу своей святости, то есть будучи своего рода проводниками божественной силы. Святые в этих дискурсах выступают своего рода медиаторами: через них действует Бог, и через них люди обращаются к Богу за помощью.

Ключевые слова: дискурс, дискурс-анализ, житие, Ксения Петербургская, нарратив, предвидение, религиозные дискурсы, святость, чудесное исцеление, чудо.

Discourse analysis of narratives on miracles of saints²

Sergey N. Astapov

Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, Southern Federal University,
snastapov@sfedu.ru

Abstract: The article is devoted to the discourse analysis of modern narratives on miracles of Blessed Xenia of St. Petersburg in comparison with narratives of the XIX-early XX century. The purpose of the article is to demonstrate the results of using discourse analysis in the study of miracles described in the modern hagiographic literature of the Russian Orthodox Church. The dependence of the construction of plots about miracles on discourse is demonstrated on the base of the study narratives about miracles in modern hagiographic literature and institutional-religious journalism broadcasting theistic discourses using methodological techniques, which are stages or levels of discourse analysis. A comparative analysis of the discourses demonstrated that they have the general focus on the formation of faith in divine help through the "intercession" of Blessed Xenia, however at the same time they have differences related to the target readers. It was found out that narratives about miracles of a domestic nature are better perceived by modern readers than narratives about miraculous violations of the laws of nature. They express the basic idea of theistic discourses on miracles – saints perform miracles by virtue of their holiness, that

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-00254, <https://rscf.ru/project/23-28-00254/>

² The research was supported by a grant of the Russian Science Foundation, No. 23-28-00254, <https://rscf.ru/project/23-28-00254/>

is, being a kind of vehicles of divine power. The saints in these discourses act as mediators: God acts through them, and through them people turn to God for help.

Keywords: *discourse, discourse analysis, foreknowledge, hagiography, holiness, narrative, religious discourses, miracle, miraculous healing, Xenia of St. Petersburg.*

© С.Н. Астапов (Ростов-на-Дону). snastapov@sfedu.ru. Южный федеральный университет. Южный Полюс 12 (2) (2024) DOI: 10.18522/2415-8682-2024-12-10-19

Введение. Дискурсы о чудесах – важнейшая составляющая религиозных дискурсов, так как в сознании представителей монотеистических религий чудо – акт проявления Божественной силы, разрушающий привычный ход событий и потому нарушающий известные законы природы, а в политеистических религиях и современном спиритуализме – демонстрация превосходства агента чуда над другими людьми, его сверхъестественных способностей или связи со сверхъестественными силами. В советское время в нашей стране тема религиозного чуда находилась на периферии информационного поля, рассказы о чуде были вытеснены рассказами о чудесном как о чём-то удивительном, но не сверхъестественном. Такое положение дел сложилось совсем не по причине атеистической пропаганды – наоборот, борьба с религиозным мировоззрением требовала «развенчания чудес», а значит и дискурсов о них. Причиной явилось эпистемологическое доминирование научного знания, для которого нет чудес, а есть феномены, пока не нашедшие объяснения, или предрассудки и суеверия. В современную же эпоху, когда массовое сознание ориентированно на сенсационность информации в большей степени, чем на её верифицируемость, чудо возвращается в публичное пространство. Характерной особенностью чудесных событий являются их внезапность, вызывающая эмоциональный шок, сменяемый затем позитивными эмоциями: восторгом, радостью, умилением, чувством благодати или избранности, в некоторых случаях – избавления от страха и облегчения. Поэтому переживать чудесные события приятно.

В целях предметной строгости исследования мы будем различать понятия «чудесное» и «чудо» как род и вид. Под чудесным мы будем понимать любое неожиданное и удивительное событие, воспринимаемое в качестве необычного явления. Чудом же будем называть «религиозное чудесное», то есть такое, экстраординарность которого осмысливается через концепты «сверхъестественное», «сакральное» и другие, подобные им по смыслу, и формирует специфические формы поведения, отличающиеся предельной внимательностью, осторожностью, трепетностью или страхом.

Событие будет считаться чудом до тех пор, пока не получит объяснения через действие естественных причин. Получив же такое объяснение, оно престанет быть чудом, но не обязательно забудется. Поскольку рассказы о чудесных происшествиях доставляют удовольствие и рассказчику, и слушателю, «объяснённое чудо» будет продолжать существование в виде десакрализованного чудесного. Вместе с тем, так как любое событие по-разному интерпретируется в разных мировоззренческих системах, естественнонаучное объяснение не всегда отменяет религиозное понимание, усматривающее даже в естественных процессах проявление сверхъестественного, чем в общем-то и является чудо для религиозного сознания. Это, в свою очередь, указывает на то, что в определённых дискурсах чудо сохранит свой статус даже после естественнонаучных объяснений.

В основе нашего исследования лежит идея о том, что понимание некоторого феномена как чуда конституируется дискурсом о нём, причём, главным образом, целью или интенцией дискурса. Обычно чудо рассматривается как событие, реальность которого определяется верой или интерпретацией (религиозной или мифологической). Такое понимание чуда ставит вопрос о его достоверности или правильности интерпретации. Исследователь религии, особенно антрополог религии, получая нарратив о чуде, не обязан в него верить, но он не должен подвергать его критике, иначе на этом исследование и

закончится. Чтобы выдержать религиозоведческий нейтрализм и не разрушить коммуникативную ситуацию, у исследователя должны быть одновременно и установка на доверие к источнику информации, и осознание его мировоззренческой особенности. Предлагаемое понимание чуда – не как онтологического факта, а как детерминированного содержанием религиозного сознания объяснения какого-либо события – позволяет исследователю религии сохранять искренность в коммуникации с верующими.

О самом дискурс-анализе, его эффективности и границах применения написано немало статей, в том числе и отечественными авторами. Как отмечают ведущие теоретики дискурс-анализа, он не является методом в строгом научном понимании, это междисциплинарный проект [1], методология, объясняющая способы познания социального мира [2], абдуктивный междисциплинарный подход [3]. Тем не менее, среди отечественных публикаций можно выделить те, в которых дискурс-анализ разработан как *исследовательская практика*, то есть как методика исследования текстов, акцентирующая их социальные контексты [4; 5; 6; 7]. Поэтому использование для исследования нарративов о чудесах методологии дискурс-анализа представляется весьма продуктивным.

Целью статьи является демонстрация результатов использования дискурс-анализа в исследовании чудес, описанных в современной житийной литературе Русской православной церкви. Используя методические приёмы, являющиеся этапами или уровнями дискурс-анализа, для исследования нарративов о чудесах в современной житийной литературе (конкретно – нарративов, посвящённых Ксении Петербургской), мы сможем увидеть зависимость построения сюжетов о чудесах от дискурса.

Специфика религиозных дискурсов о чуде. Чудо в теистических религиях понимается как экстраординарное божественное действие, направленное на людей с целью изменения их поведения, или шире – привычного образа действий. Чудо для религиозного сознания – это сигнал, знак со стороны Бога, точнее – божественное знамение. «Знаменовать» означает в предельно явной форме, так, что невозможно не заметить, указывать на что-либо очень важное. При этом не имеет особого значения ни то, как чудесное знамение послано: через радикальную трансформацию внешней среды, отдельных природных явлений, или посредством прямого воздействия на психику и соматику индивидов, ни то, как оно проявлено: в виде действия безликой силы или персонифицированного актора. В любом случае его можно рассматривать как сигнал от Бога к человеку.

Оно не является ни сообщением в строгом смысле слова (потому что событие наполняется семантическим значением уже не в момент его переживания, когда когнитивные способности индивида парализованы силой внезапности, а после, в результате рефлексии), ни носителем сообщения (поскольку чудо – это событие, процесс, хотя и весьма кратковременный, в результате которого появляется информация), ни канал, по которому передаётся сообщение (так как чудо является не средой, по которой перемещается сигнал, а самим сигналом).

Теистические концепции чуда творцом чудес признают только Бога, остальные сверхъестественные или естественные чудотворцы рассматриваются как своего рода каналы, через которые действует божественная сила. Если же какие-то необычные трансформации производят персонажи из категории нечистой силы, колдуны и языческие жрецы, то они в теистических дискурсах предстают как лжечудеса. Различение чудес и лжечудес определяется необходимостью идентификации источника для ответной реакции в его адрес, так как переживаются те и другие одинаково – как изумление (кратковременная когнитивная депривация), часто связанное с испугом, переходящим в противоположные сильные эмоции: восторг, радость, умиление и т.п. «Изумиться» означает «выйти из ума» в смысле отхода от проверенного повседневным опытом понимания действительности и приобретения нового опыта. Как знак важен только для того, кто распознаёт его значение,

так и чудо совершается только для того, кто готов в него поверить и изменить под его воздействием свою жизнь.

От теистических концепций чуда следует отличать обыденные представления о чудесах, существующие в сознании представителей теистических религий и стихийно распространяющиеся в народной среде. Мы назовём их вернакулярно-религиозными, несмотря на то, что автор термина «вернакулярная религия» Л. Приммиано предложил его для того, чтобы снять оппозицию «официальная религия – народная религия», в которой народная религия предстаёт как сниженный, искажённый обыденным сознанием вариант институциональной религии [8, с. 39]. Главной целью институциональных религиозных дискурсов является демонстрация значимости религиозного переживания и исключительно позитивного его значения. Прагматика нарративов о чуде в них состоит в укреплении веры, если реципиенты нарративов – единоверцы, если же нет, то – на убеждение реципиентов в религиозном обращении, и, опять же, на демонстрацию превосходства или исключительности своей религии.

В вернакулярно-религиозных дискурсах чудеса приобретают более широкое понимание – как ситуации контакта со сферой сверхъестественного. В этой сфере они могут быть отнесены не только к божественному – агентами чудес здесь часто становятся различные недобрые духи и люди. Разумеется, чудеса такого рода воспринимаются как нежелательные, а иногда и откровенно вредоносные. Если они случились, то от них нужно избавиться. Но поскольку считается, что агенты чудес превосходят по своей силе способности обычного человека, то в качестве верной помощи в избавлении демонстрируется обращение к Богу, Богородице или наиболее почитаемому святому. Как само такое «нечистое» чудо происходит, по рассказам, неожиданно и помимо воли переживающего его, так и избавление от него происходит внезапно по случайному упоминанию Бога, Богородицы или имени святого [9, с. 126–127]. Цель современных вернакулярно-религиозных дискурсов – демонстрация превосходства агента чуда над другими людьми, его сверхъестественных способностей или связи со сверхъестественными силами, а значит, в его способности влиять если не на судьбы, то на благополучие респондентов. Таким образом, в вернакулярно-религиозных дискурсах чудо понимается как необычное явление, нарушающее сверхъестественным образом привычный уклад, часто – чуждое и потому опасное.

Следует отметить, что именно вернакулярная религия порождает нарративы о чудесах, которые затем проходят конфессиональное корректирование в институциональных теистических дискурсах. Происходит отбор и идейная доработка тех из них, которые обеспечивают воспроизводство религиозных чувств и представлений конфессиональной традиции. Те же вернакулярно-религиозные дискурсы, которые транслируют магическое отношение к действительности, когда сакральное включается в совокупность действий, одно совершение которых обеспечивает получение желаемого жизненно важного результата, подвергаются критике как суеверия.

Чудеса блаженной Ксении Петербургской в печатных религиозных дискурсах.

В качестве объектов дискурс-анализа нарративов о чудесах в современной житийной литературе мы избрали нарративы, посвящённые Ксении Петербургской. Такой выбор объясняется тем, что блаженная Ксения Петербургская за последние полвека стала одной из наиболее почитаемых в Русской православной церкви (РПЦ) святых, причём это почитание связано с рассказами о чудодейственной помощи, которую получают верующие, обратившиеся с молитвой к блаженной Ксении. Эти рассказы транслируются православными масс-медиа, что создаёт очень удобное поле исследования. В качестве сред исследования были выбраны сетевое издание «Правмир» (<https://www.pravmir.ru>) и журнал «Фома» (<https://foma.ru>). Нарративы в этих электронных средах будут соотнесены с нарративами канонического Жития блаженной Ксении Петербургской, составленного к канонизации блаженной на Поместном соборе РПЦ 6–9 июня 1988 г., и сборника «Святая

блаженная Ксения Петербургская», в котором представлены материалы о блаженной Ксении, рекомендованные к публикации Издательским советом РПЦ (2010 г.).

Чудотворения, совершавшиеся при жизни или после смерти подвижника в ответ на обращения к нему верующих, служат в РПЦ, как и в других христианских церквях, одним из важнейших оснований для его канонизации в лике святых [10, с. 25]. Именно посмертные чудотворения подвижников, происходящие от их мощей или явлений их образов в видениях, являются, как правило, главной причиной их народного почитания ещё до канонизации.

Народные рассказы о чудотворениях блаженной Ксении Петербургской были известны ещё при её жизни, во второй половине XVIII в. О её посмертном почитании в каноническом житии сказано следующее: «В первые же годы после её кончины на могилу блаженной стало стекаться множество людей, которые часто брали после панихиды о ней землю с её могилки в память о святой. Постепенно весь могильный холм оказался разобран, пришлось насыпать новый, но и этот был разобран. Тогда положили на могилу мраморную плиту: почитателей блаженной и это не остановило – плита разбивалась и частицы её разносились во все концы России» [11, с. 114].

Первые публикации о чудесах блаженной Ксении относятся к середине XIX в. – в газете «Ведомости С.-Петербургской городской полиции» (1847), на основе которых священник Димитрий Булгаковский составил брошюру «Раба Божия Ксения или юродивый Андрей Фёдорович» [12]. Все здесь описанные или упомянутые чудеса блаженной можно разделить на 4 группы: прозорливость и предсказания, чудесная помощь в бедах, в том числе исцеления, устроение жизненных ситуаций, успех. Затем появилась книга протоиерея Евгения Рахманина «Раба Божия блаженная Ксения» [13], которая послужила источником нарративов о чудесах как для канонического Жития блаженной Ксении Петербургской 1988 г., так и для изданной в 2010 г. книги «Святая блаженная Ксения Петербургская» [14]. Все эти издания прошли церковную цензуру и потому могут считаться примерами институционально-религиозных дискурсов.

Ни в одном из последовавших за брошюрой Булгаковского изданиях не появилось никакого иного типа чудес, кроме тех четырёх, которые указаны в этой брошюре. Поэтому можно рассмотреть примеры повторяющихся (воспроизводимых) нарративов из каждой группы, чтобы определить имеются ли детерминированные дискурсами особенности в этих нарративах.

Самая малую группу составляют упоминания о чудесном влиянии Ксении на деловые успехи. Это именно упоминания – два фрагмента в брошюре Булгаковского: «Когда Андрей Феодорович [Блаженная Ксения называла себя именем и отчеством покойного мужа] являлась на площади Сенного рынка, все торгаши пряниками, булками и проч. Мгновенно открывали свои лотки и корзинки, умоляя Андрея Феодоровича взять у них что-нибудь без денег, хоть один пирожок, хоть отломить кусочек пряника. И счастливцев, у которого полакомится Андрей Феодорович, не успевал припасать товару, так успешно после того шла торговля... Извозчики, завидя её, наперерыв старались провезти её, в том убеждении, что если кому удаётся услужить ей, тому повезёт счастье» [12, с. 8–9]. И те же два, объединённые в одно повествование с целью обобщения, – в книге Рахманина: «Торговцы заметили, что, если блаженная заходила в лавку, где до того не было торговли, и брала себе какую-либо ничтожную из продающихся вещей – орешек, пряничек, та лавка начинала отлично торговать, потому что народ спешил купить что-нибудь именно в той лавке, куда заглянула блаженная. Извозчики заметили, что, если кому-либо из них удавалось хоть несколько шагов провезти блаженную, у того целый день езда шла отлично, и он делал хорошую выручку» [13, с. 39]. Предельное обобщение данного вида чудотворения, вместе с художественным «приукрашиванием», заметно в Житии: «... стоило ей только появиться на рынках и улицах города, как всякий, знавший её, предлагал ей свои услуги. Купцы открывали свои лотки и прилавки со всевозможными съестными и

прочими товарами. Все наперебой упрашивали “Андрея Феодоровича” взять что-либо или отведать от предлагаемого товара, ибо они замечали, что если Ксения брала что-нибудь у хозяина, то торговля у угостившего её купца бывает очень удачной. Извозчики, завидя блаженную издали, гнали лошадей, прося Ксению проехать с ними хотя бы несколько шагов, ибо это приносило им удачу в работе» [11, с. 112]. Более кратко это указание присутствует в материале «В чём помогает святая блаженная Ксения Петербургская?» сетевого издания «Правмир» [15], и одним предложением в статье «Чудеса блаженной Ксении Петербургской» журнала «Фома» [16]. В книге «Святая блаженная Ксения Петербургская» 2010 г. этот фрагмент Жития повторяется полностью с незначительными лексическими изменениями, а также с добавлением: «Число извозчиков, гонящихся за святой, доходило до нескольких десятков» [14, с. 22]. А через несколько страниц, видимо, для усиления эффекта указывается: «Зная о том, что благословение блаженной Ксении приносит благоденствие и удачу, многие богатые купцы предлагали ей поселиться у них и распоряжаться в их домах по своему усмотрению» [14, с. 25].

Из сюжетов о помощи в устроении семейной жизни наиболее интересны и чаще всего воспроизводятся два следующих, имеющих противоположные результаты: о замужестве и расстройстве бракосочетания. Первый у Булгаковского представлен в следующем виде: «Раз Ксения навестила одну свою знакомую, жившую на Петербургской стороне. Та пила с дочерью своею кофе. Ксения, обратившись к девушке, сказала: “Ты вот кофе распиваешь, а твой муж на Охте жену хоронит” ... “Пойдём на Охту, посмотрим, не случилось ли там что особенное”, – говорит мать дочери. Приходят на Охту и, к величайшему своему изумлению, видят, что, действительно, провожают на кладбище какую-то покойницу. Они присоединились к толпе, сопровождавшей гроб. Спустя короткое время этот вдовец действительно оказался мужем этой девушки...» [12, с. 10–11]. В книге Рахманина этот сюжет значительно детализирован: указана фамилия девушки, представлен её диалог с Ксенией, описаны обстоятельства знакомства с вдовцом, отмечена счастливая семейная жизнь девушки в браке [13, с. 34–35]. Полностью, но в современной стилистике языка, этот нарратив воспроизведён в книге «Святая блаженная Ксения Петербургская» 2010 г. и в незначительно сокращённом виде – в Житии [11, с. 113]. В публикациях «Правмира» и журнала «Фома» нарратив о чудесной помощи в заключении брака 17-летней девушки с вдовцом отсутствует – видимо, по причине его несоответствия представлениям современных читателей о счастливом браке. Однако этот сюжет вошёл в Акафист блаженной Ксении Петербургской: «Хотя избавити от скорби плачущаго врача, жену хоронившего, ты повелела некоей девице на Охту бежати и тамо мужа себе обрести и утешити. И совершишася тако, якоже ты рекла еси. Они же в радости воспеша Богу: Аллилуиа» [14, с. 183].

Очень красочно представлен у Булгаковского нарратив о расстройстве бракосочетания между генеральской дочерью и лже-полковником. Фабула его такова: к девушке посватался полковник и уже был назначен день свадьбы. Девушка и её мать накануне этого дня усердно молились на могиле блаженной Ксении. В это время «полковник» был опознан как беглый каторжник, при побеге зарезавший двух человек. Он был арестован и впоследствии казнён [12, с. 12–14]. Ещё более детально и живописно этот нарратив дан в книге Рахманина [13, с. 51–55], откуда с незначительной редактурой перенесён в книгу «Святая блаженная Ксения Петербургская». В Житии же он лишь упомянут двумя предложениями, а в публикациях «Правмира» и журнала «Фома» вовсе отсутствует, вероятно по причине того, что в сокращённом виде он не создаёт впечатления чудесного события, а подробно развивать сюжет не позволяет формат статьи. Поэтому в журнале «Фома» вместо нарратива приводится общее указание: «Не раз святая помогала девушкам в браке, остерегая их от опасного жениха или предрекая счастливое замужество» [16].

Блаженная Ксения почитается как прозорливая святая, поэтому значительную часть нарративов о её чудесах составляют рассказы о её предсказаниях. Можно сказать, что и уже рассмотренные нами нарративы тем или иным образом связаны с прозорливостью. Однако приведём ещё пару примеров, в которых это качество представлено наиболее рельефно.

Первый сюжет – «зелена крапива». У Булгаковского: «А иногда она предсказывала что-нибудь дурное, но не прямо, а косвенно, намёками, как бы не желая смущать того, с кем говорила. Так, например, посетив один раз дом купчихи Крапивиной и выходя из него, она взглянула на окна, сказала: “Зелена крапива, а скоро завянет”. Крапивина вскоре после того умерла» [12, с. 6]. В книге Рахманина эффект предсказания усилен словами: «Ни Крапивина, ни её гости не придали какого-либо значения словам блаженной, но оказалось, что в скором времени молодая, цветущая здоровьем г. Крапивина неожиданно заболела и умерла» [13, с. 30]. В книге 2010 г. этот сюжет передан без каких-либо смысловых коннотаций, с заменой всего лишь нескольких слов, а Житии предсказание Ксении представлено в дидактическом контексте: «Жалея молодую купчиху, столь радушно её принимавшую, и предвидя смерть последней, Ксения пожелала сказать ей о необходимости должного приготовления к смерти. Посему, уходя, она во всеуслышание сказала между прочим: “Вот зелена крапива, а скоро, скоро завянет”» [11, с. 112]. В публикациях «Правмира» и журнала «Фома» этот нарратив отсутствует.

В Житии блаженной Ксении имеется сравнительно большой по объёму нарратив о том, как блаженная приказала некоей Параскеве Антоновой идти на кладбище за сыном, хотя у той не было никакого сына. У кладбища какой-то извозчик сбил беременную женщину. Она от ушиба разродилась мальчиком и умерла. Параскева взяла младенца, чтобы найти его родственников, но не нашла и воспитала его сама. Этот нарратив полностью взят из книги Рахманина, за исключением фразы «он сделался видным чиновником», неактуальной в 80-е гг. XX в. в СССР. А в книге 2010 г. эта фраза восстановлена и добавлены слова о приёмном сыне: «С глубоким благоговением относился он также и к памяти рабы Божией блаженной Ксении, которая так много добра оказала его приемной матери и такое участие приняла в судьбе его, едва родившегося и уже оставшегося полным сиротой ребенка» [14, с. 15]. В предельно краткой форме этот нарратив передан в журнале «Фома», а в публикации «Правмира» он отсутствует.

Нарративы о чудесной помощи блаженной Ксении в бедах составляют самую большую группу. Это рассказы о помощи в трудных жизненных ситуациях, предотвращении бедствий, исцелениях. Так, в книге, составленной Рахманиным, имеется рассказ о том, как после молитвенного обращения одной женщины к Ксении Петербургской её детей приняли в кадетский корпус, при том, что прежде женщина получила отказ [13, с. 55–56]. Он воспроизведён в книге 2010 г. и в публикации «Правмира», в других источниках, из тех, которые мы выбрали для исследования, он отсутствует. Булгаковский его не приводит, возможно, потому что нарратив ещё не появился. В Житии, составленном в советское время, рассказ про кадетский корпус выглядел бы неуместным. А в публикации журнала «Фома» представлен более современный нарратив - как по молитвенному обращению к Ксении перед беременной женщиной, нуждавшейся в транспорте в безлюдное вечернее время, внезапно появилась машина, водитель которой, предложив подвезти эту женщину, удивлялся неожиданно пришедшей ему мысли об этом.

Интересен сочетанием предвидения и помощи в беде нарратив о пятаке – одной своей знакомой Ксения вручила пятак со словами «Возьми пятак, тут царь на коне: потухнет». Подходя к своему дому, женщина увидела, что он загорелся, но люди быстро погасили огонь, не дав ему перейти в пожар. Этот рассказ есть у Булгаковского [12, с. 10], Рахманина [13, с. 35], Житии [11, с. 113], в Акафисте [14, с. 183], а в книге 2010 г. чудесный момент усилен тем, что не люди огонь погасили – пламя само исчезло [14, с. 20].

Нарративов об исцелениях очень много, в разных источниках выделяются детальным описанием разные чудеса. Все чудесные исцеления удобнее всего

типологизировать не по способам исцеления, болезням или персонажам, а по сюжетам «коммуникации» с блаженной Ксенией. При таком подходе можно выделить простое молитвенное обращение к Ксении, чтение акафиста, молебен в часовне на её могиле, контакт с землёй или песком с могилы, маслом из лампы на могиле, видение Ксении во сне или, в виде «простолюдинки» (вариант: старушки), наяву. Примечательно, что в книге Рахманина указаны фамилии, имена и социальные статусы большинства исцелённых, в то время как в других источниках фамилии указаны в единичных случаях. В современных публикациях отсутствует самое сильное чудо блаженной – возвращение к жизни утонувшего мальчика [13, с. 20].

Заключение. Нарративы о чудесах блаженной Ксении Петербургской, проанализированные по нескольким современным источникам вместе с ретроспекцией в источники XIX – начала XX в., представляют институционально-религиозный тип дискурсов, проводящих основную идею теистических дискурсов о чудесах – святые совершают чудеса в силу своей святости, то есть будучи своего рода проводниками божественной силы. Святые в этих дискурсах выступают своего рода медиаторами: через них действует Бог, и через них люди обращаются к Богу за помощью. Чудеса блаженной Ксении Петербургской относятся к категории так называемых чудес бытового свойства. Они не настолько грандиозны, чтобы можно было сказать, что они совершаются вопреки всем законам природы. Примечательно, что «самые невероятные» чудеса, описанные в источниках прошлых веков, ушли из современных дискурсов.

В проанализированных нарративах очень много субъективного, так что в ряде случаев описанным событиям можно дать иную, не связанную с чудом, интерпретацию. Но для религиозного сознания такие бытовые чудеса важнее даже, чем грандиозные нарушения природных процессов, поскольку формируют веру в божественную помощь в самых разных житейских ситуациях, неоставленность, то есть веру в божественное присутствие в повседневной жизни.

Сравнительный анализ дискурсов показал, что при их общей направленности на формирование веры в божественную помощь по «заступничеству» блаженной Ксении, они имеют различия, связанные с целевой аудиторией. В каноническом Житии блаженной Ксении Петербургской, составленном в советские годы, не рассматриваются случаи чудес, связанных с представителями высших сословий. Нет упоминаний о предсказании смерти императрицы Елизаветы Петровны, убийства царевича Иоанна Антоновича, чудесного исцеления от тифа наследника престола, будущего императора Александра III и т.п. Они появляются в постсоветских публикациях. Не приводятся в современных дискурсах самые сильные чудеса, как, например, оживление утонувшего мальчика, видимо по причине склонности сознания современного человека не доверять таким невероятным событиям. Нарративы о «небольших» бытовых чудесах лучше воспринимаются современной аудиторией. В каноническом Житии лишь упомянуто, что верующие берут землю с могилы блаженной, но не описывается практика её употребления, тогда как в других источниках, видимо, под влиянием вернакулярно-религиозных дискурсов, такая практика приводится.

Таким образом, дискурс-анализ нарративов о святых является надёжным исследовательским инструментом для понимания прагматики, интенционального плана религиозных нарративов о чудесах святых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дейк Т.А., ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М. 2013. 344 с.
2. Phillips N., Hardy C. Discourse Analysis: Investigating Processes of Social Construction. Sage Publication Inc. 2002. 104 p.
3. Wodak R., Meyer M. Methods of Critical Discourse Analysis. London. 2001. 200 p.

4. Балашова Е.Ю. Дискурс-анализ через систему концептуальных полей: (на материале религиозного христианского дискурса). Саратов. 2014. 230 с.
5. Боженкова Р.К., Боженкова Н.А., Атанова Д.В. Дискурс-анализ как парадигма в исследованиях социальной реальности (на материале религиозной коммуникативной практики) // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. Т. 51. № 6. Ч. 1. С. 239–246.
6. Лисовская Т.В. Дискурс-анализ в изучении конфессиональной истории: теория и практика // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2023. № 1. С. 5–18.
7. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: учебное пособие. М. 2006. 132 с.
8. Primiano L.N. Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklife. In: Western Folklore. 1995. Vol. 54. No. 1. P. 37–56.
9. Кормина Ж. Чудо в народной традиции: концепт и риторика // Концепт чуда в славянской и еврейской культурной традиции. Сборник статей. М. 2021. С. 116–129.
10. Ювеналий, митрополит. О канонизации святых в Русской Православной Церкви // Канонизация святых. М. 1988. С. 3–28.
11. Житие блаженной Ксении Петербургской // Канонизация святых. М. 1988. С. 109–117.
12. Булгаковский Д. Раба Божия Ксения или юродивый Андрей Фёдорович. СПб. 1891. 16 с.
13. Рахманин Е. Раба Божия блаженная Ксения. СПб. 1910. 116 с.
14. Святая блаженная Ксения Петербургская. М. 2010. 208 с.
15. В чём помогает святая блаженная Ксения Петербургская? // Правмир. Сетевое издание. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/svyataya-blazhennaya-kseniya-uteshayushhaya-vsex-kto-ee-prosit/?ysclid=m2spyfinuv205129880> (Дата обращения: 13.11.2024).
16. Чудеса блаженной Ксении Петербургской // Журнал «Фома» [Электронный ресурс]. URL: <https://foma.ru/chudesa-blazhennoj-ksenii-peterburgskoj.html?ysclid=m2t4eehr8k487632188> (Дата обращения: 13.11.2024).

REFERENCES

1. Dijk T.A., van. Diskurs i vlast'. Rezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii [Discourse and power]. Moscow. 2013. 344 p. (In Russian)
2. Phillips N., Hardy S. Discourse Analysis: Investigating Processes of Social Construction. Sage Publication Inc. 2002. 104 p.
3. Wodak R., Meyer M. Methods of Critical Discourse Analysis. London. 2001. 200 p.
4. Balashova E.Yu. Diskurs-analiz cherez sistemu konceptual'nyh polej: (na materiale religioznogo hristianskogo diskursa) [Discourse analysis through the system of conceptual fields (on the material of the Cristian religious discourse)]. Saratov. 2014. 230 p. (In Russian)
5. Bozhenkova R.K., Bozhenkova N.A., Atanova D.V. Diskurs-analiz kak paradigma v issledovaniyah social'noj real'nosti (na materiale religioznoj kommunikativnoj praktiki) [Discourse analysis as a paradigm of studies of social reality (on the material of religious communicative practice)]. In: Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of Southwest State University]. 2013. Vol. 51. No. 6. Part 1. P. 239–246. (In Russian)
6. Lisovskaya T.V. Diskurs-analiz v izuchenii konfessional'noj istorii: teoriya i praktika [Discourse analysis in the study of the confessional history: the theory and the practice]. In: Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. [Journal of the Belarusian State University. History]. 2023. No. 1. P. 5–18. (In Russian)
7. Chernyavskaya V.E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa: uchebnoe posobie [The discourse of power and the power of discourse: a textbook]. Moscow. 2006. 132 p. (In Russian)

8. Primiano L.N. Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklife. In: *Western Folklore*. 1995. Vol. 54. No. 1. P. 37–56.
9. Kormina Zh. Chudo v narodnoj tradicii: koncept i ritorika [A Miracle in the Folk Tradition: The Concept and Rhetoric]. In: *Koncept chuda v slavyanskoj i evrejskoj kul'turnoj tradicii. Sbornik statej* [The concept of a miracle in the Slavic and Jewish cultural traditions. Collection of articles]. Moscow, 2021. P. 116–129. (In Russian)
10. Yuvenalij, Metropolitan. O kanonizacii svyatyh v Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi [On the canonization of saints in the Russian Orthodox Church]. In: *Kanonizaciya svyatyh* [The canonization of saints]. Moscow. 1988. P. 3–28. (In Russian)
11. Zhitie blazhennoj Ksenii Peterburgskoj [Hagiography of Blasted Xenia of St. Petersburg]. In: *Kanonizaciya svyatyh* [The canonization of saints]. Moscow. 1988. P. 109–117. (In Russian)
12. Bulgakovskij D. Raba Bozhiya Kseniya ili yurodivyj Andrej Fyodorovich [Xenia, a servant of God, or a holy fool Andrey Fyodorovich]. Saint Petersburg. 1891. 16 p. (In Russian)
13. Rahmanin E. Raba Bozhiya blazhennaya Kseniya [Xenia, a servant of God]. Saint Petersburg. 1910. 116 p. (In Russian)
14. Svyataya blazhennaya Kseniya Peterburgskaya [Saint Blasted Xenia of St. Petersburg]. Moscow. 2010. 208 p. (In Russian)
15. V chyom pomogaet svyataya blazhennaya Kseniya Peterburgskaya? [What does St. Blessed Xenia of St. Petersburg help with?]. In: *Pravmir*. [Electronic resource]. URL: <https://www.pravmir.ru/svyataya-blazhennaya-kseniya-uteshayushhaya-vsex-kto-ee-prosit/?ysclid=m2spyfinuv205129880> (accessed: 13.11.2024). (In Russian)
16. Chudesa blazhennoj Ksenii Peterburgskoj [Miracles of Blessed Xenia of St. Petersburg]. In: *Journal "Foma"*. [Electronic resource]. URL: <https://foma.ru/chudesablazhennojkseniipeterburgskoj.html?ysclid=m2t4eehr8k487632188> (accessed: 13.11.2024). (In Russian)